

127 OKT 1981

ПРЕМЬЕРА В ЭРМИТАЖЕ

«Представления в двух частях, с опереткой, феерией, карналом и народными танцами, спонсированным М. Левитиным по мотивам рассказов А. П. Чехова» (так сказано в программе) начал свой новый сезон Московский театр миниатюр. И сразу порадовала зрителей назидательной, интересной работой. Театр можно поздравить: третья подряд премьера — удача.

НЕ ТАК давно зрители познакомились здесь с острыми, смешными работами драматурга Михаила Жванецкого — «Когда мы отдыхали...» и «Избранные миниатюры». И вот теперь увидел свет рампы «Чехонте в Эрмитаже».

Спектакль, которого, пожалуй, этот театр раньше не знал. Вроде сначала обещаным «балдабачником», веселым калейдоскопом из лиц, встреч, забавных эпизодов, приключений с посетителями знаменитого московского парка. Но нет, смех Чехова никогда не был бесцельным, беспечальным. И за комическим ситуаций встает перед нами человек, обыкновенные жители столицы прошлого века со своими радостями и заботами, надеждами и разочарованиями.

Другой век, другие обстоятельства... Но надором Чехов — личность на все времена. И сейчас грим старикам проступает для нас доброта, которая и сегодня вся та же. Узнаются нежность и одиночество, корысть и глупость, трусость и жадность. Да, приметы их узнаваемы и в сегодняшней нашей жизни. И ради этого, собственно, и вернулся юный Антоша Чехонте в Эрмитаж, на дорожках которого встретил когда-то многих своих персонажей.

Перед автором и постановщиком М. Левитиным стояла не легкая задача: сыграть именно Чехова, сделать на иллюстрацию к ряду разрозненных рассказов, а спектакль на едином дыхании, и при этом сохранить индивидуальный стиль, неповторимое лицо именно Театра миниатюр — его собственными законами.

Так появляется в спектакле первый «полноценно действующий персонаж» — прекрасный вечерний сад Эрмитажа. Такой, каким увидел его Чехов: с гротами, утопающими в зелени. Безлюдный, святилище в сумерках белыми стульями... И над всем этим — опрочная луна. (Автор этой эффектной декорации — художник С. Бархин).

Второй сквозной «персонаж» представления — Фантастический Театр. Вот именно — Театр. Потому что не только участники труппы, но и словно сам дух Театра живет на сцене — это безымянное, замкнутое, недосягаемое непостижимым чудом.

Итак, гаснет в зале свет. Полная луна восходит над старым садом, чтобы стать свидетелиницей людских драм, встреч...

И с первой минуты — знакомые лица! Популярный артист Р. Карцев и В. Ильиченко. Знакомые? Пожалуй, не вполне. В известных работах этого дуэта Карцев чаще предстает перед нами в образе «человечка — оркестра», «человечка — фонтана», так и брызжащего энергией, озорством, оптимизмом и противоядием разнервничавшимся героям Ильиченко. В новом спектакле в их мире появились новые интонации. Посмотрите, как уверенно чувствует себя персонаж, сыгранный Ильиченко, — прелесть, самозабвенный обаятель. Ему так волнительно в атмосфере пошловатых радостей, убогих фантазий, для удовлетворения которых он готов солгать, даже предать...

И, напротив, напряженно тих, грустен как-то герой Романа Карцева. Он словно бы со стороны наблюдает за окружающими, и во взгляде его видно читанье безмерное удивление: «Ей чего ради смеются вокруг эти люди?». Такса, к примеру, он в сцене «Длинный язык».

Эта миниатюра стала лучшим, на наш взгляд, эпизодом и в работе Н. Морозович в этом спектакле. Актриса иррадирует свое героиню — этукую замаскированную даму — с зорким взглядом

иронии. И Р. Карцев в роли многотерпеливого слушателя-мужа — партнер ей под стать.

Первую свою роль в этом театре сыграла лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады Л. Полищука.

Ее героиня мечется в поисках воясы на «эриктажного», а самого настоящего, простого счастья... Есть одна сцена — по известному рассказу Чехова «Хористка», — где актриса приносит в трагическом рисунке поведении своей простодушной героини минуты истинно драматического накала, отсюда не шутливого отчаяния... Так же трогательно другая ее «демаз» — наивная, много терпеливая подруга художника из «Евгения в Сокольниках». Вообще надо заметить, что Л. Полищука привнесла характеры яркого, протективного, неожиданные. Она с удовольствием преображается и в этаким «блудных утят», и в смешных, жалких старух...

...А вот еще один заслуженный старожил Эрмитажа — этаким монументальный человек... Нет, даже не человек, а ведь первая роль А. Горизонтова — это... конь (сценка «Конская смерть»). Уморили беднягу, заведрили разудалым господом. Возмущенная горемыка, безымянный укор актер выражает со столь забавным «афосом», что сразу вызывает в зале необходимый настрой.

Также в основном удачно и вторая «миссия» А. Горизонтова — роль провинциальной знаменитости актера Дикобразова. Разве что порой все же недостает господину Дикобразову этаким драматического темперамента.

Как не вспомнить на этом спектакле прописную истину театра — нет маленьких ролей, есть маленькие актеры? Слова эти могут послужить комментарием к работе Вячеслава Шумилова. Раз пять за вечер появляется его герой на сцене, чтобы обратиться к другому персонажу всего с несколькими словами: «Слушай, угости обедом в Эрмитаже. А то всем расскажу... И дай 25 рублей взаймы». Вот и все. Но с каждым интонационным пронаосит своей текст актер. Да он просто опасен, этот его лаконичный, осязательный шепоток...

В театре — не в том, куда мы пришли, а в другом, созданном на сцене Фантастическом Театре, как назвал его автор представления, интересна еще одна фигура — Антрепренер в исполнении артиста ЦАТСа Евгения Гарчакова. Комическая роль очкавого слугителя муз, на все готового ради того, чтобы вопреки нелюбимым недоразумениям каждый вечер раскладывал перед зрителями занавес, сыгран Гарчаковым самозабвенно, с полной отдачей.

Однако, разбирая в целом удачный спектакль, наверно было бы умолчать о недостатках, особенно заметных сейчас, на первых порах, пока спектакль еще не обкатан. Пожалуй, прежде всего это надо отнести к своеобразной «опереточной отбивке» между сценками. В сюжетах грустного, намыленного Антоши Чехонте пляшут безработно актерам Фантастического Театра. Несколько раз появляются они на сцене в своих черно-малиновых одеяниях, но «заставка» эти отработаны сыровато, а результаты мизансцены выглядят небрежными.

Незавершенными интонационно, как бы «без конца» получились сценки «Средство от знобы», «В Перекле». Им не хватает четкости, аффектной точки в конце. То же следует отнести и к «Двум газетчиками», хотя сам по себе монолог важен — значит, надо, чтобы он полностью овладевал зрительскими эмоциями.

...Гаснет электрический свет над сценой. Представление окончено. Зрители выходят из зала в прохладу настоящего, живого Эрмитажа...

А. ШУТАЙКИНА.